

Giorgio Hypnos

ЭМОТЫ

Giorgio Hypnos

ЭМОТЫ

<https://litres.ru/73769627>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где внешность считается данностью, а время неумолимо оставляет свой след, журналист Дэн Поинт обнаруживает нечто невероятное. Случайное наблюдение за пресс-конференцией прокурора Нью-Йорка перерастает в масштабное расследование феномена, меняющего представление о человеческой природе.

Дэн замечает, что некоторые люди способны физически меняться под влиянием эмоций — стареть и молодеть, менять внешность, приобретать или терять черты лица. Эти изменения обратимы, непредсказуемы и тщательно скрываются их носителями.

Погружаясь всё глубже в изучение этого феномена, Дэн сталкивается с сопротивлением системы, страхом и недоверием тех, кто обладает этим даром. Он понимает: он стал свидетелем существования особой группы людей, чья жизнь протекает по иным законам.

«Мы все думаем, что стареем по годам, но на самом деле стареем от того, что нас каждый день кто-то не любит, боится

или жалеет», — эта мысль становится ключом к пониманию происходящего.

Содержание

ГЛАВА 1. НЕПОСТОЯННЫЕ ЛИЦА	5
ГЛАВА 2. НЕЛОВКИЙ ВОПРОС	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Giorgio Nurnos

ЭМОТЫ

ГЛАВА 1.

НЕПОСТОЯННЫЕ ЛИЦА

Монтажная комната телеканала NBS пахла холодным кофе, озоном от перегревшихся мониторов и лёгкой горечью чужих сигарет, въевшейся в стены ещё в те времена, когда здесь разрешали курить. Дэн Поинт знал этот запах наизусть – он провёл в этой комнате больше часов, чем в собственной квартире. Может, даже больше, чем в собственной жизни, если считать жизнью что-то помимо профессии.

Ему было тридцать восемь. Высокий, сухощавый, с узкими плечами человека, который последние пятнадцать лет живёт на кофе и недосыпе; тёмные волосы с заметной проседью на висках он стриг коротко, а на переносице лежала тень вечной внутренней сосредоточенности – след профессии, которая учит видеть невидимое. Он выглядел старше своих лет не из-за морщин, а из-за усталости, которая поселилась в лице и не собиралась уходить.

Было начало двенадцатого ночи. За окном гудел Манхэттен – вяло, по-будничному, без той праздничной горячки,

которую туристы путают с настоящим городским пульсом. Настоящий пульс – это тихий. Это мусоровоз в три часа ночи. Это одинокое такси, чьи фары ползут по мокрому асфальту, как два усталых зрачка. Дэн давно научился отличать настоящее от туристического.

Он сидел в кресле, подтянув колени, и просматривал запись пресс-конференции прокурора Нью-Йорка Жаклин Стэнд. Запись предназначалась для вечернего выпуска следующего дня – стандартный двухминутный нарезанный фрагмент с парой цитат о жилищном законодательстве и новой программе реабилитации несовершеннолетних правонарушителей. Ничего острого, ничего провокационного. Тихий, управляемый материал.

Он отмотал запись назад.

Потом ещё раз.

Потом взял пульт обеими руками, как будто от этого изображение должно было стать чётче, и снова нажал на паузу.

На экране – крупный план. Жаклин Стэнд, сорок два года, тёмные волосы, убранные в аккуратный узел, костюм угольного цвета с белым воротником. Она отвечала на вопрос о финансировании социальных программ – чуть вперёд, подбородок поднят, взгляд прямой и чуть надменный, как у человека, который привык к камерам и перестал видеть в них угрозу. Всё правильно. Всё обычно.

Но в правой части кадра, у виска, под рефлекторным светом конференц-зала, чётко выделялась прядь. Белая. Почти

белоснежная – не платиновая крашенная, не мелированная, а именно седая, как будто выгоревшая изнутри. Притом, что на начало пресс-конференции – он уже проверил трижды – такой пряди не было. Не было вообще никакого намёка.

Дэн поставил таймкод: 00:47:13 – начало, 01:18:44 – конец. Тридцать одна минута. За тридцать одну минуту у сорокадвухлетней женщины с тёмными волосами появилась совершенно седая прядь у виска.

А ещё – морщина на лбу.

Горизонтальная, резкая, как будто кто-то провёл пальцем по воску. На первых кадрах её не было – точнее, была обычная мимическая складка, которая исчезает вместе с выражением лица. Но к концу выступления она осталась. Врезалась. Стала частью рельефа.

Дэн откинулся на спинку кресла и медленно выдохнул.

Он знал, что мог ошибиться. Освещение меняется. Угол меняется. Грим под светом пресс-конференций живёт своей жизнью. Он сам снимал достаточно таких мероприятий, чтобы знать: камера умеет лгать, а умелый монтаж умеет делать из лжи документ. Но сейчас перед ним была чужая запись – прямой эфир государственного телевидения, без монтажа, с фиксированного угла. Никто не выбирал освещение специально для пряди у виска.

Он открыл ноутбук и ввёл в поисковике: «Жаклин Стэнд волосы прядь седая». Ничего. Потом: «Жаклин Стэнд изменилась внешность». Тоже ничего – только несколько ирони-

ческих твитов про очередную попытку прокуратуры выглядеть «строже», но это были шутки, не наблюдение.

На следующий день он нашёл другую запись – уже с утреннего брифинга, который состоялся через восемнадцать часов после пресс-конференции. Жаклин Стэнд была в кадре с прямыми тёмными волосами, убранными в хвост. Никакой пряди. Никакой морщины. Лицо – то же самое сорокадвухлетнее лицо, которое он привык видеть на протокольных снимках.

Дэн закрыл ноутбук и какое-то время просто сидел, уставившись в стену.

Он записал это в маленький блокнот с чёрной обложкой, который держал в нижнем ящике стола под стопкой старых распечаток и зарядным кабелем. В блокноте не было ничего личного – только профессиональные пометки, обрывки диалогов, детали для заметок и иногда списки книг, которые он собирался прочитать, но никогда не читал. Теперь там появилась новая запись: «Ж.С. – прядь и морщина. 47 мин. → 78 мин. На следующий день – ничего».

Это была первая запись такого рода.

Но, как выяснилось позже, – далеко не первый случай.

Дэн работал на NBS уже пять лет. Это был не первый его канал и, скорее всего, не последний – он понимал это трезво, без горечи. Журналистика для него никогда не была идеоло-

гией. Это было ремесло, в котором он оказался достаточно хорош, чтобы зарабатывать на жизнь и снимать квартиру в Бруклине с видом на водонапорную башню и соседский балкон, где круглый год стояли мёртвые герани.

Его работа состояла из нескольких плохо совместимых обязанностей. Во-первых – выездные съёмки: конференции, брифинги, иногда горячие репортажи с мест событий, если у каналов не было оперативного оператора. Во-вторых – просмотр и предварительный монтаж материалов перед тем, как они уходили к старшему редактору. И в-третьих – то, что официально называлось «аналитическое сопровождение», а неофициально означало: смотри всё подряд, ищи то, что другие пропустили, и держи рот закрытым, пока не найдёшь что-то действительно стоящее.

Последнее он любил больше всего. В этом была тихая, почти нарциссическая радость – замечать то, что не замечали другие. Видеть сквозь шум.

Именно поэтому, когда он начал перебирать в памяти другие случаи, они нашлись быстро. Слишком быстро.

Несколько месяцев назад он монтировал репортаж о Grammy – не сам церемониальный вечер, а кулуарный материал, интервью с артистами за кулисами и на красной дорожке. Среди прочих была Сиенна Рэй – певица, которая последние три года стабильно занимала первые строчки чартов и чья личная жизнь была предметом бесконечного таблоид-

ного анализа. В начале красной дорожки – за несколько часов до церемонии – она была подтянутой, с тёмными волосами до плеч и знаменитым острым подбородком, который операторы любили снимать в три четверти. Лёгкий блеск помады, лёгкий блеск шампанского в бокале – всё как обычно.

К концу вечера – он вернул запись, сравнил – что-то изменилось. Незаметно для незаинтересованного глаза, но совершенно очевидно для того, кто смотрел внимательно. Волосы стали чуть светлее – не сильно, не вдруг, но их тон сдвинулся на полтона в сторону карамели. Лицо было... мягче? Живее? У неё появились небольшие ямочки на щеках, которых не было в начале вечера. Фигура – он долго не мог сформулировать это точно, – фигура выглядела иначе. Не похудела, не поправилась. Просто стала другой. Более... расцветшей.

Тогда он списал это на шампанское, усталость и три часа под прожекторами.

Через две недели таблоиды написали о романе Сиенны Рэй с молодым режиссёром. Опубликовали фото с яхты – она была именно такой, какой была в конце той церемонии. Карамельные волосы, ямочки, светящееся лицо.

Дэн нашёл запись снова и сидел перед ней долго.

Был ещё один случай, который он помнил, не потому что записал, а потому что он его задел лично.

В октябре прошлого года он снимал материал о предвыборной кампании одного конгрессмена – скучный, техни-

ческий репортаж о финансировании избирательных округов. На встрече присутствовала пресс-секретарь кампании по имени Мелисса Фостер – молодая женщина, лет двадцати восьми, очень собранная, с прямыми светлыми волосами и манерой говорить, которая напоминала хорошо отлаженный пресс-релиз. В начале встречи – стандартный облик профессионала. К середине – он заметил что-то. Она была... усталой? Нет, не усталой – старше. Не намного, но ощутимо. Чуть глубже тени под глазами, чуть жёстче линия рта.

Потом один из волонтеров принёс ей кофе и тихо сказал что-то, что Дэн не расслышал. Она засмеялась – неожиданно, искренне, как будто что-то произошло что-то совершенно не связанное с конгрессменом и предвыборной кампанией. И за следующие двадцать минут она снова стала той собранной двадцативосьмилетней, которую он снимал в начале.

Он не записал это. Просто поставил мысленную точку – «странно» – и забыл.

Теперь он доставал эти точки одну за другой, выкладывал в ряд и пытался понять, что их объединяет.

Дэн жил в Бруклине на третьем этаже кирпичного дома, построенного ещё в тридцатые годы, с лестничными клетками, которые были слишком узкими для современных диванов, и батареями, которые включались в конце октября с ритмичным металлическим стуком, напоминающим сонату

для кастрюль. Квартира была небольшой, но в ней было достаточно места для него и для Бутча.

Бутч был чёрным лабрадором трёх лет, которого Дэн забрал из приюта два года назад в момент плохо объяснимого импульса. Это была лучшая вещь, которую он сделал за последние несколько лет. Бутч был тёплым, шумным и абсолютно бесцеремонным существом, которое лечило тревогу просто тем, что постоянно присутствовало рядом.

Той ночью, вернувшись из монтажной, Дэн расстегнул куртку прямо у двери, поставил ноутбук на кухонный стол и долго стоял у окна, глядя на улицу. Бутч крутился рядом, тыкался носом в его руку, потом улёгся на ноги. Дэн почесал его за ухом.

Он думал о пряди у виска Жаклин Стэнд.

Потом открыл блокнот и начал писать – медленно, точнее, чем обычно, потому что хотел, чтобы это выглядело как логика, а не как паранойя.

«Жаклин Стэнд. Пресс-конференция. Седая прядь, морщина – появились в течение полутора часов. Исчезли к следующему утру.

Сиенна Рэй. Grammy. Волосы светлее, ямочки, тело – расцвет. Появились вечером. За две недели до известия о романе.

Мелисса Фостер. Предвыборная кампания. Постарела к середине встречи. Вернулась после смеха.»

Он смотрел на эти строки.

Потом написал под ними: «Все три – женщины. Все три – изменения внешности, связанные с эмоциями. Все три – изменения обратимы».

Это было предположение. Может, слишком смелое. Может, совпадение.

Но Дэн Поинт не верил в совпадения, связанные с паттернами.

Он был журналистом. Паттерны – это его работа.

На следующий день у него была плановая съёмка в Мидтауне – открытие реконструированного крыла в городском музее. Неинтересный материал, но обязательный: спонсорские связи канала с меценатами музея делали присутствие необходимым. Дэн взял оператора, Карлоса Вегу – невысокого уроженца Бронкса с мощными руками и совершенно невозмутимым взглядом на всё, что происходило перед его объективом.

На мероприятии было много людей: городские чиновники, пара знакомых лиц из культурной прессы, несколько менеджеров меценатов и непременная группа приглашённых «представителей общественности», которых на самом деле никто не звал, но которые всегда появлялись сами.

Дэн делал свою работу. Брал стандартные комментарии, следил за тем, чтобы Карлос писал нужные планы, улыбался нужным людям.

И всё время – фоном, как работающий на малой громко-

сти радиоприёмник – держал в голове блокнотные строчки.

Во время коктейльной части, пока Карлос снимал общий план зала, Дэн заметил женщину – немного за сорок, в строгом жакете цвета маренго, с бокалом белого вина в руке. Она разговаривала с каким-то мужчиной в очках, явно скучала и так же явно не хотела, чтобы это было заметно. Ничего необычного. Типичная участница подобных мероприятий.

Но через двадцать минут, когда Дэн снова посмотрел в её сторону, он увидел, что разговор сменился. Теперь собеседник был другой – молодой, явно чем-то оживлённый. И женщина в жакете... улыбалась. По-настоящему. Её осанка изменилась – чуть расправились плечи, исчезла та деревянная сдержанность, которая была раньше.

Дэн смотрел на неё так долго, что чуть не пропустил реплику для своего репортажа.

Это было ничто. Просто человек, которому стало лучше на скучном приёме.

Но он снова взял блокнот. Написал: «Музей. Женщина в жакете – без изменений. Просто настроение».

Подчеркнул последнее слово.

Потом поставил рядом вопросительный знак.

Ближе к концу вечера к нему подошёл Карлос и сказал, что у него три хороших дубля и один, где Дэн смотрит не в камеру, а куда-то вбок.

– Куда смотришь? – спросил Карлос без осуждения. Про-

сто профессиональный вопрос.

– Думаю, – сказал Дэн.

– О чём?

– О том, как люди меняются.

Карлос помолчал.

– Это для материала?

– Не знаю ещё, – сказал Дэн честно.

Карлос кивнул, как будто это был нормальный ответ, потому что, работая с Дэном три года, он привык к тому, что нормальный ответ – это именно такой.

Той же ночью Дэн сидел с ноутбуком и просматривал архивы – те самые записи, которые хранились на внутреннем сервере канала и к которым у него был доступ по должности. Это был огромный массив видеоматериала: репортажи, прямые эфиры, выступления, интервью – всё, что канал произвёл за последние пять лет. Он искал целенаправленно.

Певица – Сиенна Рэй. Он нашёл двенадцать записей за последние три года. Начал смотреть хронологически.

Это заняло четыре часа.

К концу четвёртого часа у него в блокноте было уже шесть отдельных временных точек, в которых внешность Сиенны Рэй демонстрировала необъяснимые изменения – в обе стороны. Не косметические. Не связанные с причёской или макияжем. Что-то более глубокое и более странное.

В двух случаях – появление светлых нот в волосах и смяг-

чение черт лица – события, последовавшие через несколько недель, относились к положительным: новый роман, которому таблоиды посвятили три обложки, и дорогостоящий контракт с брендом, о котором она говорила в интервью как о «мечте с детства».

В одном случае – потемнение, резкость черт, усталость вокруг глаз – через месяц стало известно о разрыве с продюсером и провальном туре в Европе.

Дэн выписал всё это отдельно. Потом добавил Жаклин Стэнд, Мелиссу Фостер. Потом – других, кого вспомнил, потому что теперь, когда он начал искать, они начали появляться сами.

Не все превращения заметны в зеркале. Некоторые происходят только в чужом взгляде.

Внешность меняется. Потом возвращается. Изменения – всегда вслед за эмоциями. Или – до событий, которые провоцируют эти эмоции?

Он записал это в блокноте. Подчеркнул дважды.

Бутч спал на диване, подёргивая лапами во сне. За окном кто-то упорно сигналил – монотонно, бессмысленно, как будто звуковой сигнал мог изменить пробку в три часа ночи.

Дэн закрыл ноутбук.

Паттерн есть.

Он был уверен в этом так же, как умеет быть уверен только журналист, который смотрел четыре часа записей и не позволил себе ни одной поспешной интерпретации.

Паттерн есть. И он его найдёт.

Он лёг, но не заснул.

И всё же его мучило не только то, что он видел, но и то, почему увиденное задело его так сильно.

В три часа ночи встал, налил воды и по привычке открыл папку на ноутбуке, которую не открывал уже почти год. Там было немного: несколько отсканированных фотографий, которые он забрал после смерти матери, потому что больше некому было их хранить.

Мать умерла три года назад. Быстро, без предупреждения – инсульт в пятьдесят девять лет. С отцом они были в разводе, так что рядом не было никого, кто мог бы заметить что-либо, предвещавшее беду. Он прилетел на похороны, разобрал квартиру за выходные и уехал обратно, потому что не умел делать это медленно.

Он открыл один снимок. Мать на каком-то пикнике – судя по одежде, середина девяностых, ему там лет восемь, он стоит рядом и щурится на солнце. Мать смеётся. Ей на снимке – он всегда это знал, но никогда не думал об этом специально – выглядит лет на тридцать. Моложе, чем должна была выглядеть.

Он открыл другой снимок – тот же год, зима, корпоратив на работе. Мать стоит в группе коллег, улыбается вежливо, официально. Ей на этом снимке – он почувствовал, как побежали мурашки в затылке – явно за сорок. Другое лицо. Другая осанка. Другой человек почти.

Он закрыл папку.

Бутч поднял голову с дивана, посмотрел на него и снова уронил морду на лапы.

Дэн сидел в темноте и думал о том, что никогда не замечал этого раньше. Или замечал – и не знал, что с этим делать.

Если те факты, что он отметил в блокноте подтвердятся, то получается, что мы все думаем, что стареем по годам, но на самом деле стареем от того, что нас каждый день кто-то не любит, боится или жалеет.

ГЛАВА 2. НЕЛОВКИЙ ВОПРОС

У советника сенатора Джека Морриса, Кайлы Форт сегодня было запланировано интервью в конференц-зале офиса на двадцать третьем этаже башни на Лексингтон-авеню. Офис был сделан с тщательным пониманием того, что значит «солидность без вульгарности»: тёмное дерево, нейтральные тона, несколько книжных полок с книгами в одинаковых обложках, которые явно никто никогда не открывал. На стене – фотографии рукопожатий с правильными людьми. На столе – металлический держатель для ручек и органайзер, совершенно пустой.

Дэн Поинт прибыл на двадцать минут раньше – привычка, которую он ценил в себе и которую почти никто вокруг него не разделял. Он поставил оборудование, пока Карлос проверял свет, и успел выпить плохой кофе из пластикового стакана, который ему принесла помощница Форт – девушка лет двадцати пяти с профессиональной улыбкой и взглядом человека, который на самом деле думает о чём-то другом.

Кайла Форт появилась ровно в срок – в хорошем брючном костюме тёмно-синего цвета, с платком в кармане и слегка самодовольным выражением лица, которое бывает у людей, привыкших к тому, что аудитория ждёт их, а не наоборот. Ей было лет пятьдесят пять. Слегка седоватые виски, тонкий прямой нос, ухоженные руки человека, который много

разговаривал публично и научился управлять жестами. Правильный персонаж для правильного материала.

Тема интервью была сухой: новый пакет поправок к жилищному законодательству, который сенатор Моррис лоббировал последние полтора года. Дэн знал этот пакет достаточно хорошо – читал синопсис по дороге – и знал, что материал получится скучным и нужным, как дорожный знак. Полезным. Никому не интересным.

– Рада видеть вас, Дэн, – сказала Форт голосом, в котором радость была хорошо синтезированной. – Надеюсь, успели ознакомиться с нашими последними инициативами.

– Безусловно, – сказал Дэн.

Они пожали руки. Дэн отметил, что рукопожатие у Форт было цепким, но не агрессивным – обученным.

Съёмка началась. Карлос поймал нужный свет – мягкий рассеянный поток от большого окна с видом на Мидтаун – и кивнул Дэну, что готов.

Первые полчаса прошли ровно. Форт отвечала уверенно и гладко, как человек, который готовится к интервью так же методично, как к судебным слушаниям. Она умела делать паузы в нужных местах, умела менять темп речи, умела создавать иллюзию открытости, не открывая ничего лишнего. Дэн задавал правильные вопросы, слушал, кивал.

И всё время – краем зрения – смотрел на левую бровь Форт.

Это началось примерно на двадцатой минуте. Сначала –

ничего. Потом, когда разговор свернул на тему противников законопроекта и Форт начала говорить о «деструктивном лоббировании» со стороны определённых финансовых структур, Дэн увидел это.

Один волос. Потом ещё один. Тонкие, совершенно белые на фоне тёмной брови – как если бы кто-то взял кисть с белой краской и провёл по нескольким волоскам аккуратно, намеренно.

Дэн продолжал задавать вопросы. Его голос не изменился. Его лицо не изменилось. Но внутри что-то щёлкнуло – как замок, который давно готовили к открытию.

К тридцать пятой минуте седых волосков на брови стало больше – не много, не радикально, но вполне ощутимо. Форт, очевидно, не замечала. Ее зеркало осталось за пределами кадра. Помощница сидела в дальнем углу и смотрела в телефон. Карлос держал камеру и думал о чём-то своём.

Никто не видел.

Только Дэн.

Интервью подходило к концу. Дэн задал предпоследний вопрос о временных рамках законопроекта, получил ответ, кивнул. Потом посмотрел в блокнот – якобы для того, чтобы сверится с последним вопросом.

И тут что-то в нём перестало сдерживаться.

Может быть, это было профессиональное любопытство, доведённое до предела четырьмя часами ночных архивов.

Может быть, усталость. Может быть, просто убеждённость в том, что, если ты видишь что-то – ты обязан это назвать. Журналистика – это не молчание о том, что ты видишь.

– Последний вопрос, – сказал Дэн, глядя прямо на Форт. Та приготовился с привычной готовностью.

– У вас за последние полчаса появились совершенно белые волосы на левой брови, – сказал Дэн ровным, почти нейтральным голосом, как будто он спрашивал о дате вступления законопроекта в силу. – Всё в порядке? Вы хорошо себя чувствуете?

Пауза.

Не просто пауза – провал. Несколько секунд абсолютной, звенящей тишины, в которой Дэн услышал звук кондиционера, отдалённый городской гул за окном и лёгкое движение Карлоса, который интуитивно не опустил камеру.

Взгляд Форт изменился.

Это был не взгляд человека, которого уличили в неловкости. Обычно люди боятся не того, что меняются, а того, что кто-то это заметит.

У Форт был взгляд человека, который понял: его увидели там, где он не должен был быть виден. И это понимание было страшнее любого публичного скандала. В нём было не смущение, а почти мгновенная, животная осторожность.

Сначала прошла секунда полной неподвижности, как у человека, которому только что сказали что-то на языке, которого он не должен понимать, но понял. Потом лицо закры-

лось – методично, как закрывают дом перед долгим отъездом: сначала окна, потом двери, потом замок.

Улыбка исчезла, лицо закрылось, и в глазах появилось что-то, что можно было назвать гневом, но гневом холодным, контролируемым – тем видом злости, который опасен именно своей сдержанностью.

– Интервью закончено, – сказала Форт.

Голос был ровным. Именно это было страшнее всего.

Карлос убрал камеру молча. Помощница Форт – та самая девушка с профессиональной улыбкой – подошла и сказала, что они пришлют материал на согласование. Это была стандартная фраза, но произнесённая с интонацией «больше сюда не приходите». Форт стояла невдалеке, разговаривала по телефону, и кому-то по имени Эмми давала инструкции по ситуации с интервью.

В лифте Карлос молчал. Он был хорошим оператором именно потому, что умел молчать в нужные моменты.

Только внизу, на улице, поймав такси, он произнёс:

– Зачем ты это сделал?

– Я видел, – сказал Дэн.

– Видел что?

– Волосы на брови. Они появились в течение съёмки.

Карлос посмотрел на него с тем особым взглядом, который люди направляют на коллег, когда подозревают либо гениальность, либо начало чего-то нехорошего.

– Тогда это вырежут при монтаже, – сказал он наконец.

– Я знаю.

– А руководство устроит взбучку.

– Я знаю.

Карлос кивнул. Больше не спрашивал.

Руководство позвонило через три часа. Точнее – написало, что нужно зайти к Эду Фаррелли, шеф-редактору отдела общественной жизни. Дэн знал Фаррелли восемь лет – сначала как редактора в другом издании, потом как непосредственного начальника здесь. Фаррелли был человеком прагматичным и в целом справедливым, но у него была одна черта, которую Дэн хорошо изучил: он не выносил проблем, которые создавались раньше, чем их успевали предотвратить.

Офис у Фаррелли был маленьким, заваленным бумагами и смотрящим окном на внутренний двор, где никогда ничего не происходило. Он сидел за столом и листал что-то на планшете, когда Дэн вошёл.

На подоконнике у него стоял кактус – маленький, в пластиковом горшке с отколотым краем, явно купленный в супермаркете и явно переживший уже несколько редакционных ремонтов. Дэн смотрел на него каждый раз, когда приходил в этот кабинет. Кактус был единственным живым существом в офисе, которое выглядело абсолютно уверенным в своём праве здесь находиться.

– Садись, – сказал Фаррелли, не поднимая глаз.

Дэн сел.

– Ты задал Кайле Форт вопрос о ее лице.

– Да.

– В прямом эфире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.